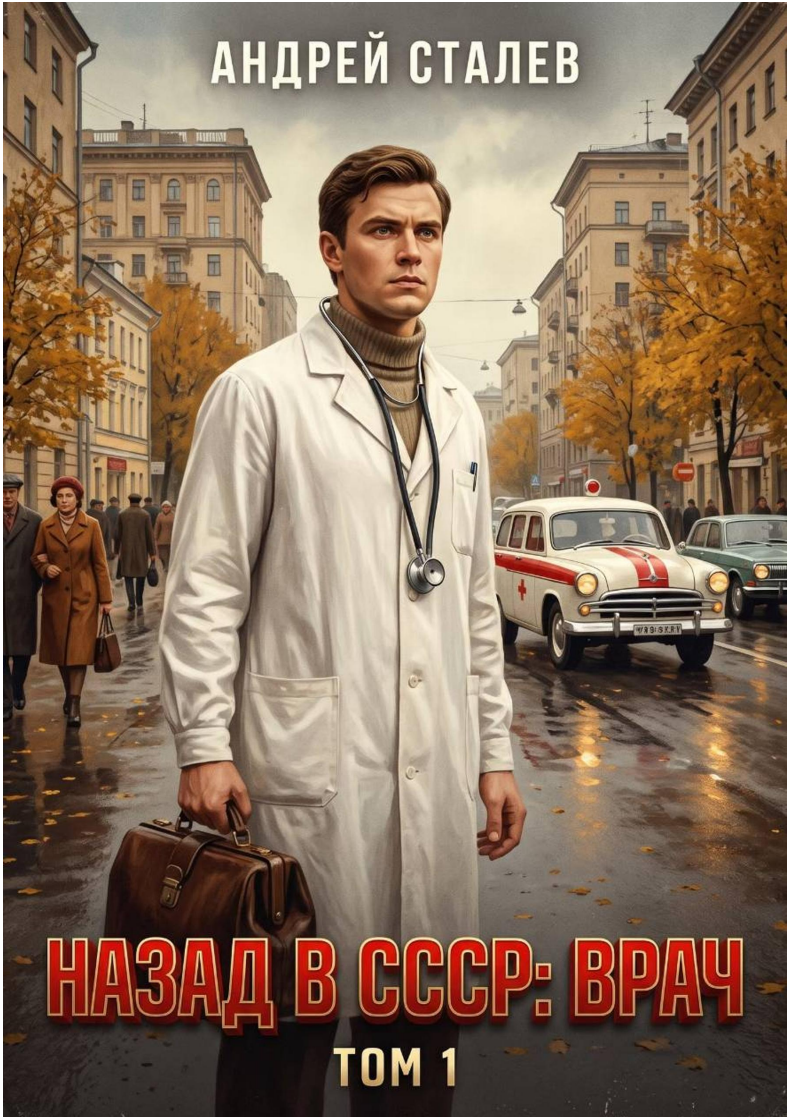
АНДРЕЙ СТАЛЕВ
НАЗАД В СССР: ВРАЧ
ТОМ 1

Андрей Сталев
Назад в СССР: Врач. Том 1

https://litres.ru/74906418
SelfPub; 2026

Аннотация

Он был лучшим хирургом-реаниматологом 2026 года, привыкшим вытаскивать людей с того света с помощью высоких технологий. Остановка сердца на ночном дежурстве — и вот Андрей Соколов приходит в себя в трясущемся РАФике московской «Скорой помощи». На дворе октябрь 1973 года, ему снова двадцать пять, а в чемоданчике врача — лишь бинты, зеленка да пара устаревших ампул.

Но главный инструмент хирурга всегда при нем — это его знания и опыт. Пока светила советской медицины разводят руками, «зеленый» врач со скорой спасает безнадежных пациентов, собирает на коленке первый в СССР аппарат УЗИ из оборонного дефектоскопа и ломает косность больничной системы.

От ночных вызовов в промзоне до закрытых консилиумов в Кремле — один шаг, если ты умеешь побеждать саму смерть. Ведь теперь на операционном столе у Андрея — судьба целого Советского Союза.

Содержание

Дисклеймер 4
Глава 1. Смена эпох 5
Глава 2. Вызов на Кутузовский 14
Глава 3. Утро в семьдесят третьем 24
Глава 4. На грани 32
Конец ознакомительного фрагмента. 40

Андрей Сталев
Назад в СССР: Врач. Том 1

Дисклеймер

Данное произведение является художественным вымыслом в жанре альтернативной истории. Все события, хронология исторических развилок, технические характеристики аппаратуры и медицинские процедуры адаптированы автором в интересах сюжетной динамики и могут не совпадать с реальными историческими фактами и протоколами 1970-х годов.

Любые совпадения имен, фамилий и биографий персонажей с реальными людьми (за исключением общеизвестных исторических личностей, действующих в рамках авторского допущения) являются случайными.

Внимание!Описанные в книге методы диагностики, хирургические вмешательства, дозировки и схемы применения лекарственных препаратов не являются медицинской рекомендацией или руководством к действию. При возникновении проблем со здоровьем обязательно обратитесь к квалифицированному врачу.

Глава 1. Смена эпох

Холод в груди появился внезапно, словно кто-то всадил под ребра ледяное шило.

Андрей Соколов, заведующий отделением экстренной хирургии и реанимации одной из крупнейших клиник Москвы, замер у умывальника. Вода из бесконтактного крана продолжала литься, смывая с его рук остатки антисептика. Операция длилась семь часов — сложнейший разрыв аорты после ДТП, четыре литра кровопотери, три остановки сердца на столе. Но они вытащили парня. Давление стабилизировали, сатурация сто процентов, перевели в реанимацию.

— Андрей Викторович, вы чего? — голос операционной сестры Лены донесся будто сквозь толщу воды. — На вас лица нет.

Он хотел ответить, что просто устал. Сорок пять лет, третьи сутки на ногах, литр крепкого кофе на пустой желудок. Обычное дело для хирурга в две тысячи двадцать шестом году.

Но вместо слов изо рта вырвался хрип. Свет бестеневых ламп над головой поплыл, скручиваясь в тугую огненную спираль. Левую руку пронзила тупая, выворачивающая суставы боль, а мир вокруг схлопнулся в черную точку. Последнее, что он почувствовал перед тем, как провалиться в пустоту — удар затылком о кафельный пол и запах озона.

Резкий, пронзительный звон ударил по барабанным перепонкам, заставляя мгновенно распахнуть глаза.

Никакого кафеля. Никакого запаха дорогого антисептика и стерильного пластика.

Перед глазами качался обтянутый серым дерматином потолок. В нос ударил густой, въедливый запах бензина, дешевого табака «Прима» и старой резины. Машину жестоко трясло на стыках асфальта, а за мутным стеклом перегородки надрывно завывала сирена — протяжная, механическая, с характерным подвыванием.

— Доктор! Андрей, очнись, твою мать! Приехали!

Чья-то шершавая рука грубо тряхнула его за плечо.

Андрей резко сел на жесткой дерматиновой скамье. Голова гудела, как чугунный колокол, но привычка реаниматолога сработала раньше, чем включилось сознание. Он машинально глянул на свои руки.

Никаких возрастных вен, никакого шрама на костяшке указательного пальца, полученного еще в ординатуре, и никаких умных часов на запястье. Руки были молодыми, с гладкой кожей, в нелепом белом халате с завязочками на манжетах, поверх которого была накинута тяжелая темно-синяя суконная куртка с красным крестом на рукаве.

— Ты чего, Соколов, укачало? — рядом на корточках сидел парень лет двадцати двух в таком же халате, только измятом, с рыжими вихрами, выбивающимися из-под белой шапочки. В руках он сжимал потертый рыжий дерматиновый

чемодан с металлическими уголками. — Говорил я тебе, не надо было ту котлету в столовке брать! Выходим давай, диспетчер сказала — ножевое, мужик кровью истекает!

Машина с визгом тормозов остановилась, слегка завалившись на бок. Скрипнула боковая дверь, впуская внутрь холодный октябрьский воздух, пахнущий мокрыми листьями, угольным дымом и сыростью.

Андрей вышагнул на асфальт и на секунду замер.

Никаких многоэтажек из стекла и бетона. Тусклые фонари на бетонных столбах освещали пустынную промзону, глухой деревянный забор и кирпичное здание проходной, над которым висел выцветший красный транспарант: «Решения XXIV съезда КПСС — в жизнь!». Рядом, урча мотором, стоял кремовый с красной полосой микроавтобус РАФ-977 с круглыми фарами и одиноким синим маячком на крыше.

В голове, словно прорвавшаяся плотина, хлынули чужие воспоминания. Короткие, обрывочные, но кристально ясные.

Андрей Соколов. Двадцать пять лет. Выпускник Второго Московского медицинского института имени Пирогова. Третий месяц по распределению на 14-й подстанции скорой медицинской помощи города Москвы. Октябрь 1973 года.

«Так вот как выглядит тот свет...» — мелькнула шальная мысль, но тут же погасла, вытесненная профессиональным рефлексом.

— Сюда, доктора! Быстрее! — крикнул от ворот проход-

ной пожилой сторож в тулупе, размахивая фонарем. — Там Колька-слесарь! Пьяная драка, его ножом пырнули!

Мысли о попадании в прошлое пришлось отложить на потом. Врач остается врачом в любом веке.

— Фельдшер, укладку за мной! Водитель, держи машину на прогреве, носилки готовь! — жестко бросил Андрей. Голос звучал непривычно звонко, по-молодому, но командирские интонации заведующего отделением прорезались в нем мгновенно.

Рыжий фельдшер — память услужливо подсказала имя: Сашка Ковалев — аж моргнул от неожиданности, привыкнув, что тихий, стеснительный Соколов обычно сам спрашивает у него совета, но спорить не стал и рысью припустил следом.

В тесной каморке проходной на грязном дощатом полу лежал мужчина лет сорока в замасленной телогрейке. Вокруг него расплывалась темная, почти черная в свете тусклой лампочки лужа. Лицо пострадавшего было мертвенно-бледным, заострившимся, лоб покрыт крупными каплями холодного пота, а из-под разорванной фланелевой рубахи в районе правого подреберья толчками выплескивалась алая кровь.

— Артерия, — коротко бросил Андрей, падая на колени прямо в лужу крови. — Сашка, жгут, зажим, стерильные салфетки, ножницы! Быстро!

— Какой жгут на живот, Андрей?! — растерялся фельдшер, щелкая замками рыжего чемоданчика.

— По инструкции надо тугую повязку, стимулятор сердца подкожно и везти в Склиф!

— Какой к черту стимулятор при массивной кровопотере?! Ты ему сейчас давление поднимешь, он всю оставшуюся кровь через эту дыру выплюнет за минуту! — рявкнул Андрей, мгновенно оценивая обстановку.

Он сунул пальцы прямо в рану, нащупывая пульсирующий сосуд. Кровь хлестала горячей струей, заливая рукава халата. Повреждена нижняя надчревная артерия или ветвь печеночной — глубоко, но достать можно. В 2026 году здесь бы уже стоял сосудистый зажим, работал отсос, а анестезиолог вводил бы современные кровоостанавливающие препараты и плазму.

Здесь же в арсенале 1973 года были только стеклянный шприц, ампулы с местным анестетиком, обычный кровезаменитель в тяжелой стеклянной бутылке, пара грубых кровоостанавливающих зажимов Кохера и стерильные бинты.

— Зажим! — Андрей вытянул свободную руку. — И систему для переливания готовь, кровезаменитель на максимуме!

— Нельзя так быстро капать, отек легких будет! Нас на курсах учили...

— Саша, я сказал — капай! У него давление уже шестьдесят на ноль падает, через две минуты остановится сердце, и твой отек легких ему будет уже не страшен!

Фельдшер, подавленный стальным взглядом вчерашнего

тихони, дрожащими пальцами вскрыл упаковку с зажимом и вложил его в ладонь Андрея.

Времени на раздумья не было. Андрей действовал на чистой мышечной памяти, отточенной тысячами часов у операционного стола. Вслепую, ориентируясь только на пульсацию, он завел бранши зажима в глубину раневого канала и с силой сомкнул кремальеру.

Фонтан крови мгновенно иссяк, сменившись слабым венозным подтеканием.

— Есть! — выдохнул Андрей, чувствуя, как по спине течет холодный пот. — Салфетки! Туго тампонируем вокруг зажима, фиксируем бинтом, чтобы в дороге не сорвало! Иглу в вену, быстро!

— Не могу попасть, вены спались! — Сашка чуть не плакал, тыкая толстой многоразовой иглой в синюшное предплечье рабочего.

— Дай сюда! — Андрей перехватил иглу, нащупал кубитальную вену по анатомическим ориентирам — вслепую, как учил еще его старый наставник в институте — и уверенным движением вошел точно в просвет. В катетере показалась темная капля. — Подключай! На полную катушку!

Пока Сашка закреплял систему лейкопластырем, Андрей быстро прощупал живот пациента. Мягкий, но в правом подреберье нарастает напряжение. Возможно, задет край печени.

— Грузим на носилки! Водитель, помоги! — скомандовал

Андрей. — В больницу летим с сиреной, каждую кочку объезжай, иначе зажим сместится — не довезем!

Всю дорогу до приемного покоя городской больницы Андрей не отходил от носилок, одной рукой придерживая выступающую из повязки рукоятку зажима, а другой контролируя пульс на сонной артерии. Пациент дышал поверхностно, часто, но пульс стал наполняться — восполнение жидкости делало свое дело, удерживая объем циркулирующей крови.

— Ну ты даешь, Соколов... — прошептал Сашка, глядя на окровавленный халат Андрея с суеверным ужасом. — Ты где так научился? Вчера еще у бабки давление померить стеснялся, а сегодня...

— Книжки умные читал, Саня, — сухо ответил Андрей, хотя сам внутри ликовал. Руки помнили всё. Тело молодое, быстрое, зрение стопроцентное, никакой старческой дрожи в пальцах. С таким инструментом здесь можно горы свернуть.

РАФик с визгом затормозил у освещенного козырька приемного отделения. Двери распахнулись, и навстречу выбежали санитары с каталкой.

— Ножевое в живот, массивная кровопотеря, геморрагический шок второй-третьей степени, наложен зажим на артерию в ране, инфузия кровезаменителя в полном объеме, — четко, по-военному отчеканил Андрей, перекладывая больного на каталку. — Срочно в операционную, развернуть кровь первой группы, у него в паспорте штамп стоит!

В коридоре показался дежурный хирург — грузный муж-

чина лет пятидесяти с седыми висками, в сдвинутой набок шапочке. Увидев торчащий из-под бинтов на животе пациента зажим, профессор багрово почернел.

— Это что за самодеятельность?! — рявкнул он на весь коридор. — Кто разрешил лезть инструментом в брюшную полость на догоспитальном этапе?! Вы что, с ума сошли?! Вы же ему сейчас всю инфекцию туда занесли!

— Без этого зажима он бы умер еще на проходной, коллега, — спокойно, глядя прямо в глаза хирургу, ответил Андрей. — А инфекцию мы подавим антибиотиками. Берите его на стол, у него, скорее всего, краевое ранение печени, счет идет на минуты.

— Я сам знаю, что мне делать, молокосос! — взревел хирург, поворачиваясь к медсестре. — Записать номер бригады! Я завтра же докладную главному врачу станции напишу, его с волчьим билетом вышвырнут!

Андрей только усмехнулся. Пугать его выговорами после того, как он вытаскивал людей под обстрелами и в переполненных ковидных реанимациях, было смешно.

Он уже развернулся, чтобы идти к машине, когда из ординаторской на шум выглянула молодая медсестра с телефоном в руке.

— Доктор Соколов! — крикнула она. — Это ведь четырнадцатая подстанция? Вас диспетчер срочно к телефону просит!

Андрей взял тяжелую черную трубку.

— Соколов слушает.

— Андрей, слава богу, застала! — затараторил в трубке взволнованный голос диспетчера. — Машину не отпускай! Высшая категория срочности! Кутузовский проспект, дом двадцать шесть, квартира сорок два! Там человеку плохо с сердцем, наши все на выездах, вы ближе всех! Летите немедленно, там... там очень большой человек!

Андрей положил трубку и посмотрел на свои перепачканные кровью руки.

— Сашка, меняем халаты в машине! — крикнул он фельдшеру. — Едем на Кутузовский. Кажется, эта ночь только начинается.

Глава 2. Вызов на Кутузовский

РАФик летел по ночной Москве, распугивая редкие «Волги» и грузовики пронзительным завыванием сирены.

Водитель дядя Вася, седой фронтовик, гнал машину так, словно снова вез снаряды под Сталинградом. На мокром асфальте задний мост то и дело норовило снести в занос, но старик уверенно ловил тяжелый руль, срезая углы на пустых перекрестках.

В салоне Андрей лихорадочно стягивал с себя окровавленный халат, заменяя его чистым, хрустящим от крахмала запасным из укладки. Сашка Ковалев сидел напротив, судорожно перебирая ампулы в чемоданчике и то и дело косясь на напарника.

— Андрей, ты хоть понимаешь, куда мы едем? — шепотом спросил фельдшер, перекрывая рев мотора. — Кутузовский, двадцать шесть! Это ж цековский дом! Там министры живут, маршалы, академики! Если мы там накосячим — нас не то что со скорой выгонят, нас по партийной линии в порошок сотрут!— Не трясись, Саша, — спокойно ответил Андрей, проверяя содержимое укладки. — Там такой же человек, с двумя легкими, одним сердцем и пятью литрами крови. От того, что у него в кармане красная книжка, анатомия не меняется. Лучше скажи мне, что у нас из кардиологии есть?

Сашка щелкнул замком и выложил на крышку чемодана несколько картонных коробочек.

— Сердечные гликозиды, сосудорасширяющие, спазмолитики, сильное обезболивающее — две ампулы, антикоагулянт... Ну и электрокардиограф «Малыш», вот он, в чехле.

Андрей усмехнулся про себя. «Малыш» — громоздкий одноканальный ящик с чернильной записью на бумажную ленту, который весил килограммов пять и фонил от любой электропроводки. В 2026 году у него в кармане лежал смартфон, способный снять кардиограмму с помощью крошечного датчика, а в машине скорой стоял дефибриллятор-монитор с автоматической расшифровкой ритма, современные препараты для растворения тромбов и инфузоматы.

Здесь же приходилось рассчитывать только на собственные глаза, уши, пальцы и клиническое мышление.

Машина нырнула в арку монументального сталинского дома с гранитным цоколем и лепниной. У подъезда с массивными дубовыми дверями уже топтался мужчина в длинном драповом пальто и шляпе — явно водитель или помощник, судя по выправке.

— Сюда, товарищи врачи! Быстрее! — махнул он рукой. — Лифт я держу!

В просторном холле с мраморными стенами пахло хорошим табаком, мастикой и тишиной, какой никогда не бывает в обычных московских хрущевках. Пока лифт со скрипом поднимал их на шестой этаж, Андрей мысленно настраивал-

ся на работу. Главное — не выдать себя незнанием бытовых мелочей. В медицине он бог по меркам 1973 года, а вот в мелочах эпохи может проколоться.

Дверь квартиры оказалась приоткрыта. Внутри их встретила заплаканная женщина лет пятидесяти в шелковом халате.

— Проходите, скорее! Ему совсем плохо! Час назад вернулся с совещания, поужинал, а потом как схватится за грудь... Я сердечные капли дала, таблетку под язык — ничего не помогает! Кричит от боли!

Андрей шагнул в просторную спальню с высокими потолками, тяжелыми бархатными шторами и огромным книжным шкафом из карельской березы.

На широкой двуспальной кровати, высоко подложив под спину подушки, полулежал грузный мужчина лет шестидесяти с седым ежиком волос и волевым, тяжелым подбородком. Лицо его было пепельно-серым, губы синюшными, а на шее судорожно пульсировала яремная вена. Мужчина хрипло, часто дышал и обеими руками сжимал грудную клетку, словно пытаясь разорвать невидимые тиски.

— Врач... наконец-то... — прохрипел он, глядя на Андрея мутными от боли глазами. — Жжет... будто каленым железом между лопаток...

— Саша, тонометр на левую руку, я на правую посмотрю! И «Малыша» подключай, быстро! — скомандовал Андрей, присаживаясь на край кровати.

Он привычным движением обхватил правое запястье пациента. Пульс был частым, нитевидным. Затем Андрей перехватил левую руку, чтобы сравнить — и замер на долю секунды.

На левой руке пульс едва прощупывался, был заметно слабее, чем на правой.

— Саша, сколько давление на левой?!— Девяносто на пятьдесят, Андрей! — выдохнул фельдшер, снимая фонендоскоп.

Андрей быстро перекинул манжету на правую руку, накачал грушу и прислушался к тонам Короткова.

— Сто сорок на восемьдесят, — пробормотал он себе под нос. — Разница в пятьдесят миллиметров...

В голове щелкнуло, как в хорошо отлаженном компьютере.

Классическая картина, на которой в семидесятые годы горели даже академики. Обычный врач скорой или даже профессор Кремлевки сейчас поставил бы «обширный инфаркт миокарда», вколол бы обезболивающее, сердечный стимулятор и препарат для разжижения крови.

И через пятнадцать минут пациент бы умер на месте.

Потому что это был не инфаркт. Боль, отдающая именно между лопаток, резкая асимметрия пульса и давления на руках, бледность при еще не упавшем окончательно давлении на правой руке — это острое расслоение грудного отдела аорты. Внутренняя оболочка главной артерии организ-

ма надрывается, и кровь под бешеным давлением начинает расслаивать стенку сосуда, перекрывая устья отходящих артерий.

Если сейчас ввести антикоагулянт, как положено по протоколу при инфаркте, кровь перестанет сворачиваться, расслоение мгновенно дойдет до сердца или прорвется в плевральную полость — и всё. Мгновенная смерть.

— Доктор, что с ним? Это инфаркт? — всхлипнула жена у дверей. — Я уже позвонила в Четвертое управление, их бригада выехала, но пробки...

— Саша, отставить разжижающие и сердечные гликозиды! — тихо, но так жестко, что фельдшер вздрогнул, произнес Андрей. — Убери ампулы. Даже не думай их вскрывать!

— Как убрать?! — Сашка вытаращил глаза. — Андрей, у него же все признаки инфаркта! Если кремлевские приедут, а мы даже кровь не разжижили... — Если мы это сделаем, кремлевские приедут к трупу, — отрезал Андрей, уже доставая из укладки ампулу анальгетика и спазмолитик. — У него расслаивающая аневризма грудной аорты. Нам нужно немедленно снять болевой шок, чтобы сбить выброс адреналина, и аккуратно снизить давление, чтобы остановить дальнейший разрыв стенки сосуда!

Андрей глянул на ленту электрокардиографа, которая с тихим стрекотом выползала из «Малыша». Так и есть — никаких признаков свежего трансмурального инфаркта, только признаки перегрузки левого желудочка.

— Пятьдесят миллиграммов... так, стоп, здесь ампула один процент, один миллилитр — Развести на физрастворе и вводить внутривенно очень медленно! — Андрей сам набрал шприц, чувствуя, как на лбу выступает испарина. В 2026 году здесь бы сразу поставили инфузомат с современными препаратами, ювелирно удерживающими давление на безопасном уровне. В 1973 году о таких лекарствах в скорой помощи Москвы еще даже не слышали. Приходилось работать тем, что есть: обезболить, дать спазмолитик и гипотензивное средство для управляемого снижения давления.

— Саша, набирай препарат для снижения давления, разводи в шприце. Будем вводить дробно, по капле в минуту, я буду держать руку на пульсе и следить за тонометром! Малейший скачок вниз — сразу стоп!

Следующие десять минут в спальне стояла гробовая тишина, нарушаемая только тиканьем настенных часов с боем и тихим шепотом Андрея, отсчитывающего секунды.

Постепенно страшная пепельная бледность начала сходить с лица пациента. Дыхание выровнялось, судорожная хватка на груди ослабла. Мужчина тяжело прикрыл веки и тихо выдохнул:

— Отпускает... вроде отпускает, доктор...

— Не двигаться, лежать строго горизонтально, — мягко, но твердо сказал Андрей, не отпуская его запястье. — Даже голову не поднимайте. Вам сейчас любой лишний миллиметр давления смертельно опасен.

В этот момент в прихожей хлопнула входная дверь, послышались тяжелые шаги и властные голоса. В спальню вошли двое: подтянутый мужчина лет сорока пяти в дорогом сером костюме и с каменным лицом, и пожилой врач в белом халате с золотыми очками на носу — типичный профессор из Четвертого главного управления при Минздраве СССР.

— Что здесь происходит? — с порога командным тоном спросил профессор, презрительно окинув взглядом простенький халат Андрея и потертый чемоданчик городской скорой. — Почему больного не готовят к транспортировке? Где кардиограмма? Вы ввели антикоагулянт, молодой человек?

— Антикоагулянт не вводился, — спокойно ответил Андрей, поднимаясь с края кровати, но не отходя от пациента. — У больного не инфаркт миокарда, а расслаивающая аневризма грудного отдела аорты. Введение антикоагулянтов вызвало бы прорыв и летальный исход.

В комнате повисла мертвая тишина. Профессор медленно снял очки, протер их платком и посмотрел на Андрея так, словно тот только что заявил, что Земля плоская.

— Вы... в своем уме, коллега? — тихо, с ледяной яростью произнес светило кремлевской медицины. — Мне сорок лет стажа, я академик Воробьев! Расслаивающая аневризма диагностируется только на вскрытии или с помощью сложнейшей ангиографии в институте Бакулева! Как вы, мальчишка с городской скорой, смеете ставить такой диагноз на глаз?!

— Не на глаз, профессор, — не дрогнул Андрей. — Асимметрия артериального давления на руках в пятьдесят миллиметров ртутного столба, отсутствие пульсации на левой лучевой артерии при сохраненной на правой, характерная кинжальная боль с иррадиацией в межлопаточную область и чистая ЭКГ без подъема сегмента ST. Можете проверить давление сами, пока препарат полностью не подействовал.

Академик Воробьев нахмурился, но промолчал. Он подошел к кровати, сам взял тонометр, выслушал одну руку, затем вторую. С каждым мгновением самоуверенность на его холеном лице таяла, сменяясь профессиональным потрясением.

Сняв фонендоскоп, профессор долго смотрел на ленту кардиографа, затем перевел тяжелый взгляд на Андрея.

— Где вы учились, доктор? — тихо спросил он уже совсем другим тоном.— Второй мед, профессор. Выпуск этого года.— Невероятно... — пробормотал академик и резко обернулся к мужчине в сером костюме, который всё это время молча стоял у двери, буравя Андрея цепким взглядом. — Сергей Петрович, мальчишка прав. Если бы я сам приехал на десять минут раньше и начал лечить по стандартной схеме инфаркта — мы бы потеряли Льва Николаевича. Его нужно немедленно везти в институт Бакулева, прямо на операционный стол, пока расслоение не пошло дальше!

Мужчина в сером костюме чуть кивнул, достал из кармана маленькую записную книжку и ручку.

— Фамилия, имя, отчество и номер подстанции, доктор, — негромко, но так, что спорить не хотелось, сказал он.

Андрей назвался. Он прекрасно понимал, кто перед ним стоит — судя по выправке, взгляду и тому, как перед ним вытянулся даже кремлевский академик, это был офицер Девятого управления КГБ, отвечающего за охрану высших лиц государства.

— Свободны, доктор Соколов. Бригада спецобслуживания дальше примет больного. О том, что вы здесь видели и кого лечили — никому ни слова. Подписку возьмем завтра.

Когда Андрей и ошалевший от пережитого Сашка вышли из подъезда в прохладную московскую ночь, фельдшер первым делом достал пачку «Примы» и закурил прямо у машины, хотя обычно курил только в курилке на подстанции.

— Ну ты, Андрей, даешь... — выдохнул он вместе с сизым дымом, глядя на напарника почти с благоговением. — Академика Воробьева на лопатки положил! Знаешь, кто этот дед в квартире был? Я его портрет в газете «Правда» видел! Это же зампред Госплана СССР!

— Тем лучше для него, Саня, — усмехнулся Андрей, вдыхая свежий осенний воздух. — Будет жить. Поехали на подстанцию, смена скоро заканчивается, а мне еще в библиотеку заглянуть надо.

Он сел в РАФик, откинулся на жесткую спинку сиденья и закрыл глаза. Первый день в 1973 году прошел неплохо. Два спасенных человека, один из которых — крупный государ-

ственный деятель.

Правда, оставалась одна маленькая проблема: завтра утром дежурный хирург из первой больницы наверняка напишет ту самую докладную главному врачу станции за «самоуправство» с зажимом в животе. Но после сегодняшней ночи на Кутузовском проспекте Андрей почему-то был уверен — увольнение ему точно не грозит.

Глава 3. Утро в семьдесят третьем

Утро на четырнадцатой подстанции скорой помощи началось со скандала.

Едва РАФик дяди Васи вкатился во двор, пропахший выхлопными газами и мокрым асфальтом, к машине быстрым шагом направилась старший фельдшер смены — полная, громогласная женщина с высокой начесанной прической и строгим взглядом сквозь роговые очки.

— Соколов! Бегом к заведующему! — с порога крикнула она, размахивая листком бумаги. — Ты что там ночью в первой градской учудил?! Профессор Зубов лично главному позвонил! Кричал так, что в трубке мембрана звенела! Говорит, ты больному с ножевым ранением зажим в брюхе оставил! Это ж подсудное дело, Андрей!

Сашка Ковалев за спиной Андрея втянул голову в плечи и обреченно вздохнул.

— Спокойно, Саня, иди сдавай чемодан, — тихо сказал Андрей, поправляя воротник свежего халата. — Всё будет нормально.

Он поднялся на второй этаж старого кирпичного здания подстанции и постучал в дверь с табличкой «Заведующий подстанцией И. П. Громов».

— Войдите! — рявкнул из-за двери густой бас.

В небольшом кабинете с портретом Ленина на стене и зе-

леным сукном на столе сидел грузный мужчина с седыми усами и тяжелыми мешками под глазами. Перед ним на столе лежала раскрытая карта вызова и исписанный размашистым почерком лист.

— Явился, светило медицины?! — Громов грохнул кулаком по столу так, что подпрыгнула чернильница. — Ты чем думал, Соколов?! Три месяца после института, а уже инструкции Минздрава под хвост пускаешь?! Какой зажим в брюшной полости?! Ты бы еще скальпель там забыл! Зубов требует тебя по статье уволить и в горздрав телегу накатать!

Андрей не стал оправдываться и мямлить, как сделал бы прежний двадцатипятилетний выпускник. Он спокойно подошел к столу и твердо посмотрел заведующему в глаза.

— Иван Петрович, у больного было повреждение ветви печеночной артерии. Кровопотеря больше полутора литров, давление шестьдесят на ноль. Без этого зажима он умер бы в машине через пять минут. Я довез его живым. Можете позвонить в реанимацию первой градской и спросить, как прошел послеоперационный период.

Громов открыл было рот, чтобы продолжить разнос, но в этот момент на столе противно затрещал черный дисковый телефон с гербом СССР на корпусе.

Заведующий раздраженно схватил трубку:

— Громов слушает! Что значит «кто говорит»? Говорите по делу, у меня тут...

Заведующий вдруг осекся. Его густые брови поползли

вверх, спина сама собой выпрямилась, а багровый румянец на щеках мгновенно сменился бледностью.

— Да... так точно... — пробормотал он в трубку уже совсем другим, тихим и почтительным голосом. — Да, работает у нас такой. Молодой специалист, Соколов Андрей Викторович. Только что со смены вернулся... Понял. Немедленно передам. Никаких взысканий, что вы! Напротив, мы его к поощрению представляем!

Громов медленно положил трубку на рычаг. Несколько секунд в кабинете стояла такая тишина, что было слышно, как за окном шумит дождь. Заведующий поднял на Андрея долгий, изучающий взгляд, в котором смешались недоумение и легкий испуг.

— Звонили из приемной министра здравоохранения, — глухо произнес Громов. — И... еще из одного очень серьезного ведомства. Просили передать благодарность за ночной выезд на Кутузовский проспект. Сказали, что ты спас жизнь человеку, от которого зависит выполнение пятилетнего плана страны.

Он взял со стола лист с жалобой профессора Зубова, аккуратно разорвал его пополам и бросил в плетеную корзину для бумаг.

— Свободен, Андрей Викторович, — неожиданно мягко сказал заведующий. — Иди отдыхай. Завтра у тебя выходной, а в четверг зайдешь ко мне — будем думать насчет твоего перевода в клиническую ординатуру. Такие кадры на ско-

рой засиживаться не должны.

Выйдя с подстанции на улицу, Андрей глубоко вдохнул прохладный октябрьский воздух. Начало положено. Первая бюрократическая стена рухнула, не успев толком вырасти.

Теперь нужно было разобраться с собственной новой жизнью.

Он шел по широкому московскому проспекту, с жадным любопытством разглядывая мир вокруг. Для человека из 2026 года Москва 1973-го казалась удивительно просторной, тихой и какой-то по-настоящему живой. Никаких пробок в десять баллов, никаких рекламных щитов и кислотных вывесок. По широкой мостовой неспешно катили пузатые «Волги» ГАЗ-21 и новенькие «Жигули»-копейки, громыхали красно-желтые трамваи, а на остановках стояли люди в драповых пальто, плащах и ондатровых шапках.

Андрей сунул руку в карман брюк и вытащил потертый кожаный кошелек. Внутри лежали хрустящие бумажные купюры с портретом Ленина — десятка, две трешки, рубль — и горсть увесистой советской мелочи. Пятнадцать рублей до аванса. По меркам 1973 года — вполне приличные деньги, если учесть, что обед в столовой стоит шестьдесят копеек, а батон белого хлеба — тринадцать.

Память прежнего владельца тела исправно подсказывала дорогу домой. Андрей жил в старом пятиэтажном кирпичном доме недалеко от станции метро «Сокол» — в двухкомнатной коммуналке, где вторую комнату занимала семья за-

водского мастера.

По дороге он зашел в обычный гастроном. Внутри пахло молотым кофе, свежим хлебом и почему-то влажным деревом. На прилавках — пирамиды консервов «Килька в томате», березовый сок в трехлитровых банках, докторская колбаса по два двадцать, сыр «Российский» и сливочное масло, которое продавщица отрезала большим ножом от огромного желтого монолита и заворачивала в плотную серую бумагу.

Андрей купил полкило колбасы, батон, пачку индийского чая со слоном, десяток яиц и бутылку кефира с зеленой крышечкой из фольги. Всё удовольствие обошлось в три рубля с копейками.

«Жить можно, — подумал он, поднимаясь по чисто вымытой лестнице на третий этаж. — Главное — составить четкий план действий. На скорой долго сидеть нельзя, нужен стационар и выход на оборонную промышленность».

Комната Андрея оказалась небольшой, но светлой и аккуратной: железная кровать с панцирной сеткой, старый платяной шкаф, письменный стол у окна, заваленный медицинскими учебниками, и этажерка с книгами. На стене висела репродукция «Грачей» Саврасова и отрывной календарь, показывающий пятницу, 19 октября 1973 года.

Андрей поставил на керогаз — нет, на обычную двухкомфорочную газовую плиту на общей кухне — эмалированный чайник, нарезал колбасу и с удовольствием позавтракал. Организм в двадцать пять лет требовал калорий, и бутерброд с

настоящей советской колбасой показался ему вкуснее любого ресторанного деликатеса из будущего.

Он уже собирался сесть за стол и записать в толстую общую тетрадь список технологий и лекарств, которые реально внедрить в СССР в ближайшие пару лет, как в дверь комнаты тихо и неуверенно постучали.

— Войдите! — крикнул Андрей.

Дверь приоткрылась, и на пороге появилась соседка по квартире — молодая женщина лет тридцати по имени Галина, с усталым, осунувшимся лицом и темными кругами под глазами.

— Андрей, прости ради бога, что беспокою, ты ведь только с дежурства... — зашептала она, нервно теребя край передника. — У меня Мишка совсем расклеился. Вчера вечером температура поднялась, я участкового вызвала утром, она посмотрела — говорит, обычная простуда, ангина начинается, прописала полоскание и жаропонижающее. А он сейчас лежит, стонет, к животу прикоснуться не дает, и рвота открылась... Посмотри, пожалуйста, ты же врач!

Усталость как рукой сняло.

Андрей молча встал из-за стола, накинул чистый домашний халат и шагнул в соседнюю комнату.

На диване под шерстяным одеялом лежал семилетний мальчишка. Лицо у него было красным, сухим, губы потрескались, а сам он лежал на правом боку, поджав колени к животу.

Андрей присел рядом, мягко положил теплую ладонь на лоб ребенка, затем осторожно откинул одеяло и начал пальпировать живот. Мальчишка тихо вскрикнул, когда пальцы врача слегка надавили в правой подвздошной области и резко отпустили.

Классический симптом Щеткина — Блюмберга. Мышцы передней брюшной стенки напряжены как доска.

— Когда заболел живот? — резко спросил Андрей, уже доставая из шкафа свой саквояж.— Еще вчера вечером потягивало, а я подумала — наелся чего-то в школе... — растерянно пролепетала Галина, видя, как мгновенно изменилось лицо соседа. — Андрей, что с ним? Неужели...— Острый гангренозный аппендицит, скорее всего уже с местным перитонитом, — жестко отрезал Андрей. — Участковый врач — дура набитая! Какой жаропонижающее при болях в животе?! Она смазала всю картину! Если мы сейчас будем ждать городскую скорую два часа, отросток лопнет, и начнется разлитой перитонит!

Он распахнул окно и крикнул вниз, во двор, где у подъезда как раз припарковался черный служебный «Москвич» — за соседом, мастером завода, заехала машина.

— Мужики! Срочно в больницу ребенка везти надо! Счет на минуты!

Через десять минут Андрей сам вбежал в приемный покой детской клинической больницы, неся на руках завернутого в одеяло мальчишку.

— Острый живот! Перитонит! Срочно в операционную! — крикнул он дежурной сестре.

Но навстречу из ординаторской вышел молодой, вальяжный хирург с самодовольной ухмылкой, брезгливо оглядевший растрепанного Андрея в домашнем свитере.

— Гражданин, вы кто такой? Здесь не проходной двор! У нас плановый обход, сейчас сестра оформит историю болезни, через полчаса посмотрим вашего мальчика...

— Через полчаса ты будешь писать посмертный эпикриз! — рявкнул Андрей, перехватывая хирурга за отворот халата так, что у того звякнули ключи в кармане. — Живо разворачивай операционную, у ребенка перфорация отростка на подходе!

Глава 4. На грани

— Руки убери, псих! — взвизгнул вальяжный хирург, дернувшись назад так, что едва не налетел на стеклянный шкаф с инструментами. — Милицию вызову! Сестра, позовите охрану!

— Позови хоть министра, только сначала на живот ребенка посмотри, коновал! — не отступал Андрей, не повышая голоса, но глядя на коллегу так, что у того перехватило дыхание. — Соколов, врач четырнадцатой подстанции скорой помощи. У мальчика классическая картина перфоративного аппендицита, температура тридцать девять и два, доскообразный живот. Если он сейчас умрет у тебя в приемном покое, я лично прослежу, чтобы ты пошел под суд за неоказание помощи!

На шум из коридора вышел пожилой седой врач в поношенном, но идеально выглаженном халате — судя по всему, старший дежурный хирург смены. Он быстро глянул на бледного, стонущего Мишку на руках у Андрея, затем перевел взгляд на растерянного молодого коллегу.

— Что здесь за балаган, Игорь Олегович? — строго спросил старик.

— Да вот, Аркадий Семенович, какой-то выскочка со скорой ворвался, угрожает, требует без очереди...

— Немедленно в смотровую! — оборвал его Аркадий Се-

менович, уже прикладывая теплую сухую ладонь к животу мальчика. Едва его пальцы коснулись правой подвздошной области, старый хирург мгновенно помрачнел. — Господи... Да у него же разлитой перитонит начинается! Игорь Олегович, вы что, ослепли?! Срочно в экстренную операционную! Сестра, готовьте стол, звоните анестезиологу!

Пока санитары перекладывали мальчика на каталку, а бледная от ужаса Галина осталась в коридоре, прижимая ладони к губам, Андрей шагнул следом за врачами.

— Я пойду с вами, Аркадий Семенович, — твердо сказал он. — Я ассистировать могу. Руки у меня поставлены.

Старый хирург бросил на него быстрый, оценивающий взгляд.

— А ты, парень, не промах, диагноз с порога поставил, — буркнул он на ходу. — Ладно, мойся, бери стерильный халат. Только под ногами не путайся!

Через десять минут Андрей уже стоял у операционного стола, облаченный в стерильный халат, маску и тонкие резиновые перчатки. Яркий свет рефлекторной лампы заливал операционное поле.

Аркадий Семенович работал уверенно, старой, но надежной советской школой: разрез по Волковичу — Дьяконову, быстрый доступ в брюшную полость. Едва брюшина была вскрыта, из раны показался мутный выпот.

— Успели в самый последний момент, — глухо пробормотал старый хирург, аккуратно выводя в рану багрово-чер-

ный, отечный отросток, готовый лопнуть от малейшего прикосновения. — Еще полчаса — и всё, конец мальчишке. Отсос! Салфетки!

Андрей работал четко, предугадывая каждое движение старшего коллеги на долю секунды раньше, чем тот успевал попросить инструмент. Он вовремя осушал рану, разводил края крючками Фарабефа и держал лигатуры так, словно всю жизнь провел в этой операционной. Аркадий Семенович только удивленно хмыкнул пару раз, но замечаний не делал.

Самый опасный этап прошел: отросток удалили, культю погрузили в кисетный шов, брюшную полость начали тщательно промывать теплым антисептическим раствором.

И в этот самый момент в тишине операционной раздался испуганный голос молодого врача-анестезиолога, сидевшего в изголовье стола у громоздкого наркозного аппарата:

— Аркадий Семенович... давление падает! Шестьдесят на тридцать! Пульс нитевидный...

— Что у вас там происходит?! — рявкнул хирург, не отрывая рук от раны. — Добавьте или убавьте подачу наркоза, что вы ему даете?!

— Ингаляционный наркоз, но у него брадикардия пошла!

В операционной мгновенно повисла паника. Анестезиолог растерянно защелкал тумблерами на аппарате, молодая операционная сестра вскрикнула, выронив пинцет на металлический столик, а Игорь Олегович, стоявший вторым ассистентом, побелел как мел и замер, не зная, за что хвататься.

Даже опытный Аркадий Семенович на секунду растерялся: в 1973 году интраоперационная остановка сердца у ребенка на фоне тяжелой интоксикации от перитонита считалась почти приговором.

— Адреналин в сердце! Прямой массаж через диафрагму! — закричал старик.

— Отставить лезть в грудную клетку! — рявкнул Андрей так громко и властно, что в операционной все вздрогнули.

Он мгновенно бросил крючки, прикрыл рану на животе стерильной простыней и одним прыжком оказался сбоку от стола.

— Анестезиолог, выключай подачу газа полностью! Чистый кислород на сто процентов, вентиляция вручную мешком! Сестра, набирай стимулятор ритма и сосудосуживающий препарат, разводи в шприце — строго в вену, не в сердце! Не смейте колоть миокард вслепую, тампонаду устроите!

— Да кто ты такой, чтобы здесь командовать?! — заорал Игорь Олегович, пытаясь оттолкнуть Андрея от стола.

— Пошел вон, пока я тебе нос не сломал! — рыкнул Андрей, не оборачиваясь, и тут же сцепил ладони в замок, уложив основание кисти точно на нижнюю треть грудины ребенка.

Никакого хаоса. В голове включился четкий, холодный метроном реаниматолога из 2026 года, прошедшего сотни подобных ситуаций.

Раз-два-три-четыре-пять... Сто компрессий в минуту.

Глубина нажатия — на треть переднезаднего размера грудной клетки ребенка, четко, ритмично, давая грудной клетке полностью расправляться после каждого толчка, чтобы сердце успевало наполняться кровью.

— Вдох! — коротко бросил Андрей после тридцати нажатий.

Анестезиолог, гипнотизируемый железной волей «врача со скорой», послушно сжал дыхательный мешок.

— Продолжаем! Адреналин ввели?— Ввел! Внутривенно! — выкрикнула сестра, у которой от страха тряслись руки, но она всё сделала точно по команде. — Отлично! Теперь щелочной буферный раствор капельно, у него тяжелейший ацидоз от перитонита, на кислой крови сердце не заведется!

Аркадий Семенович стоял у стола, застыв с зажимом в руках, и смотрел на Андрея широко раскрытыми глазами. В 1973 году о коррекции кислотно-щелочного баланса прямо во время реанимации при перитоните писали только в закрытых научных монографиях, а уж тем более не знали этого молодые врачи городской скорой.

Прошла минута. Вторая. Пот заливал Андрею глаза, стекая по вискам под шапочку, но он даже не моргал, отсчитывая идеальный ритм компрессий.

— Стоп! Проверяем пульс на сонной! — скомандовал он.

В операционной стало так тихо, что было слышно, как за окном по стеклу стучат капли дождя. Андрей прижал два пальца к шее ребенка. Секунда. Вторая. Третья...

Слабый, робкий, но отчетливый толчок ударил в подушечки пальцев. Затем второй. Третий. И с каждым ударом пульс становился сильнее, наполненнее!

— Есть ритм! — выдохнул анестезиолог, глядя на манометр и пульсометр. — Давление восемьдесят на сорок! Пульс сто десять, ровный!

Андрей медленно выпрямился, чувствуя, как гудят мышцы плеч и спины, и перевел дух.

— Вытащили, — тихо сказал он. — Аркадий Семенович, заканчивайте ушивание. Я постою рядом, подстрахую до конца наркоза.

Старый хирург молча кивнул. Руки его слегка дрожали, но в глазах горело неподдельное восхищение.

Через сорок минут, когда Мишку перевезли в послеоперационную палату, а Галина, рыдая от счастья, едва не упала Андрею в ноги прямо в больничном коридоре, Аркадий Семенович отвел Андрея в пустую ординаторскую.

Старик плотно прикрыл дверь, достал из шкафа графин с водой, налил два стакана и один протянул Андрею.

— Пей, сынок. Заслужил. — Профессор сел на стул, устало потер переносицу и долго смотрел на молодого врача. — Ты мне вот что скажи, Андрей... Я в хирургии тридцать пять лет. Я видел разных вундеркиндов. Но то, что ты сейчас показал у стола — этому в наших институтах не учат. Откуда ты знаешь про коррекцию ацидоза при остановке на фоне перитонита? И эта техника непрямого массажа... Кто твой

учитель?

— У меня был очень хороший наставник, Аркадий Семенович, — уклончиво ответил Андрей, допивая прохладную воду. — Но главное сейчас другое. Мальчишке повезло, мы успели. Но сколько таких же детей и взрослых гибнет в Москве каждый день только потому, что на скорой нет нормального оборудования, а в больницах лечат по инструкциям пятидесятых годов?

Аркадий Семенович тяжело вздохнул и опустил глаза.

— Знаю, Андрей. Всё знаю. Но против системы не попрешь. У нас в Минздраве сидят люди, которые еще при Сталине диссертации защищали. Любая новая методика — это годы согласований, комиссий и бюрократического ада.

— А если эти комиссии обойти? — тихо, с легкой усмешкой спросил Андрей.

— Это как же? — удивился старик.

— Через тех, кому жизнь дороже инструкций, — ответил Андрей, глядя в окно на серую осеннюю Москву. — Скажите, Аркадий Семенович, а в вашей больнице есть мастерская или знакомые инженеры с оборонных заводов? Мне для нормальной работы одной пары глаз и рук мало. Мне нужно заглянуть внутрь человека, не разрезая его.

Профессор нахмурился:

— Это ты про рентген, что ли? Так он вредный, да и мягкие ткани на нем не видно.

— Не про рентген, — покачал головой Андрей. — Про

ультразвук. Обычный эхолот, как на подводных лодках, только для человеческого тела.

В этот момент дверь ординаторской резко распахнулась. На пороге стояла перепуганная дежурная сестра приемного покоя.

— Аркадий Семенович! Андрей Викторович! — задыхаясь, выкрикнула она. — Там внизу... за вами приехали! Черная «Волга» у входа стоит, и двое в штатском! Сказали, немедленно просят врача Соколова прой

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.